

## Глава 1

### ХУЛИГАНЫ И НАРКОМАНЫ

Чертова бессонница. Федор Ефимович потер сухими ладонями опухшие глаза. Ночь была тяжелой.

Изначально — совсем наоборот, ночь обещала быть просто волшебной, он начал дремать прямо в кресле, под меланхолическое бормотание старого телевизора. Мягкое покрывало теплой дремоты наползало на него неспешно, заволакивая собой звуки, свет и запах подгоревшего ужина, доносившийся с лестничной клетки. Но не в меру страстная молодая пара, снимавшая квартиру прямо над его малогабариткой, опять завела свою порнографию с визгами, воплями и ритмичным битьем спинкой кровати в стену. Желанный сон вспугнули, и он оставил старика в одиночестве.

Уснуть у него так и не получилось. Ему не помогли ни теплое молоко, ни прогулка, ни счет овец, ни мытье полов, которого он терпеть не мог из-за больных коленей. Но блаженный сон, который прогнали бесстыжие соседи, пугливо убежал и не возвращался ну никак. Старик сдался уже во втором часу ночи. Вытащив из ящика прикроватной тумбочки заветную продолговатую капсулу, он проглотил ее, не запивая. Момент, когда он провалился в мир сновидений, остался для Федора Ефимовича таким же незаметным, как и приход старости в свое время.

Тяжелый дурморящий сон сорвало в пять часов утра нудным дребезжанием старого механического будильника. Старик сел на кровати, скривившись от боли в коленях. Весна, мать ее так. Измученные суставы особенно беспокоили в сырую погоду и межсезонье.

После приступа бессонницы он всегда чувствовал себя старым, больным и разбитым, тогда у него все валилось из рук и не клеилось. Да еще химия эта. Приняв снотворное, нужно было спать часов шесть, а то и восемь. Ох и даст ему сегодня

жизни бессонница вместе с химией этой поганой, теперь целый день с чугунной головой ходить. А вот день — совершенно предсказуемо должен быть тяжелым.

Трое прошедших суток были наполнены скучной мастью перед телевизором и старательным созиданием очередного альбома для потомков. Увидят ли они их? Смогут ли оценить ту трепетную любовь, которую он вложил в эти альбомы? Сможет ли понять и простить его дочка? Фотографии, письма, вырезки из газет и журналов, записи от руки, старые театральные и киношные билеты, высохшие цветы и прочие дорогие сердцу мелочи наполняли альбом постепенно, как зреющее яблоко наливается румянцем. Вчера он целый день с помощью карандаша, фломастеров и линейки рисовал без усталости генеалогическое древо их семьи.

Сегодня нужно было заступать на смену. Невыспавшемуся выходить на сутки было тяжело, но в работе он находил ту спасительную отдушину, лекарство от одиночества. По большому счету он был безразличен проходящим мимо него людям, но уж лучше так, чем в четырех стенах бобылем сидеть.

Старик уже пятый год работал обычным консьержем в новом высоченном красивом доме на соседней улице. Заработок был безобразно маленьким, но дома в одиночестве он просто не находил себе места. Его рабочий пост располагался в стеклянном аквариуме между лифтовым холлом и вестибюлем на первом этаже подъезда. Пожалуй, вся его работа сводилась к торчанию на своем посту за широким столом с пятью мониторами и телефоном. Да! И еще ему нужно было качать головой, когда с ним здороваются. Все остальное было даже не работой, а спасением от набившей оскомину рутины. Периодически службу разнообразила всякая приятная мелочовка. Иногда он придерживал двери, когда заносили что-то крупное. У него оставляли ключи, записки, коробки, сумки, просили проследить за детьми, во сколько они возвращаются из школы, напомнить о том и о сем, а также множество других мелких поручений, которые делали его причастным к жизни людей, населявших большой дом.

Дом был с претензиями на эксклюзивность. Старик посмеивался над пустыми понтами, которые сквозили здесь на каждом углу. Его развлекало то странное название «лобби», которым обзывали вестибюль, или подъезд, или парадное. Да и много еще чего глупого и странного происходило вокруг.

В этот дом консьержами брали только мужчин, или, точнее говоря, таких стариков, как он. Зато называли их оперативными дежурными. Консьержей одевали в форму охранников, эффектно выглядящую внешне, но сделанную настолько похабно, что плевать хотелось. В черных брюках, голубой рубашке и синем кителе он напоминал себе проводника поезда. Единственным отличием от сотрудника железной дороги была небольшая фуражка с лакированным козырьком, копирующая форменные фуражки американских полицейских времен сухого закона.

Так и сидел он в своем аквариуме сутки через трое, наряженный в одежду проводника, в полицейской фуражке. Раньше они менялись в семь утра, но месяц назад график сдвинули, и теперь он должен был заступать на смену в шесть часов. Кого-то это устраивало, кого-то — нет, старику это было безразлично. Да и причиной таких фатальных изменений он совершенно не интересовался.

Проснувшись, первым делом он померил давление, а потом сделал зарядку, умылся, позавтракал и приступил к стандартному ритуалу сборов на работу. Долго собирал себе еду, тщательно ее упаковывал и укладывал в старый, выдавший виды портфель. Старик полировал начищенные ботинки, придирчиво осматривал отглаженную с вечера форму. Потом укладывал в портфель завернутые в газету тапочки, старое застиранное полотенце, заветный мешочек с лекарствами и прочих мелкий скарб, который брал с собой на каждую смену.

Вышел он, как обычно, за двадцать минут до начала смены. Скользящая весенняя погода его не радовала, и он пошел напрямую через дворы, а не через сквер. За счет этого затратил на дорогу не пятнадцать минут, а всего десять, чем слегка удивил напарника.

Сменщик встретил его без обычной тупой шутки: «А чего тебе тут надова, Ефимыч?» Значит, у пузатого Пети неприятности. Если он так не шутит, значит, у него какие-то нелады в жизни. Наверное, опять с женой поругался, или сын пришел домой пьяный в стельку. Старик из вежливости поинтересовался у Пети, как его дела, и, услышав в ответ очередной многоэтажный пассаж, где упоминалась Петина жена, сразу успокоился. Все в Петиней жизни было по-прежнему.

Они расписались в журналах, передали ключи и карточки, и Федор Ефимович занял боевой пост за столом напротив боль-

шого раздвижного окна. Передача смены прошла как обычно. На мониторах бегали черно-белые фигурки, по кабельному телевидению он вполглаза смотрел скучную передачу про ловлю жемчуга в каком-то южном море, а потом про природу Антарктиды. Ему было все равно что смотреть. Не любил он только новостей. Стариковское сердце всегда сжималось, когда он слышал всякие неприятности про спад в экономике, катастрофы, гибель людей, грядущий конец света. Возраст, наверное.

Практически сразу он заметил некоторые странности, выбивающиеся из ритма стандартной, как бой курантов, смены.

Старик условно делил проходящие потоки жильцов на несколько групп. Сначала уходила первая смена — жаворонки. Это он так называл тех жильцов и их ненаглядных чад, которые двигались мимо него с семи до половины девятого, поток практически затихал к девяти. Потом до одиннадцати было затишье с редкими проплывающими за стеклом фигурами. А где-то без четверти одиннадцать выходила вторая смена жильцов — утки. Ее не такой уж значительный поток иссякал уже в половине двенадцатого, а в полдень сходил на нет. И так далее. Одна смена меняла другую. Люди уходили и приходили. Кто-то с ним здоровался, а кто-то даже не обращал на него внимания.

А вот сегодня все было не так. Поток первой смены был многочисленным и рваным. Люди почти в равном количестве и приходили, и уходили! Такой хаос в людском движении перед его окном комкал обычный ритм. А перемен старик тоже не любил. Жизнь научила не ждать от них ничего хорошего.

«Эх, как бы давление не скакнуло», — меланхолично подумал он.

Вторым пачкавшим день пятном были подростки. Они странноватой стайкой кучковались около второго входа в его подъезд. Так бы их тут не оказалось, но нерадивые строители демонтировали почти всю ограду вокруг жилого комплекса и по-советски неторопливо стали заливать могучий фундамент под новый забор. Судя по размеру и форме фундамента, на нем должна была быть возведена высоченная крепостная стена с бастиянами, капонирами, казематами и редутами.

Появление маргинальной компании лежало на совести охранников сторожившего их ЧОПа<sup>1</sup> — все-таки это их упущение.

---

<sup>1</sup> Частное охранное предприятие.

ние. Вообще-то сейчас подростки толкались совсем рядом с выездом из подземного паркинга. Чоповцы просто обязаны были их заметить и принять меры.

Подростки были какими-то совсем уж отвратительными — в грязной рваной одежде с большими пятнами. Да и двигались они совсем уж странно — волочили ноги, вытягивали руки, качались, падали, запнувшись за низенькие клумбы. Их можно было принять за очень пьяных, но даже для набухавшихся алкашей это было слишком.

— Лимита поганая, понаплодили наркоманов, житья теперь совсем нет, — заворчал вполголоса старик, стравливая закипающее раздражение.

Дед поставил настольный календарь так, чтобы тот закрывал нецветную картинку на крайнем мониторе. Пусть с этими отбросами разбираются профессиональные охранники ЧОПа, пускай из подземной парковки поднимутся или от ворот придут.

— Опять, наверное, около цирюльни отираются. Курят с тамошними профурсетками. А ведь, наверное, женатые, и дети у них есть, — привычно забубнил старик.

Цирюльной старик называл СПА-салон и салон красоты «Гармония» на первом этаже стилобата соседнего корпуса. Курящих женщин он не любил, считая их вульгарными и доступными. Охранники частенько отирались возле «Гармонии» и флиртовали с тамошними сотрудницами.

— Пусть эти лбы здоровенные хоть разок зады свои от кресел оторвут. А то понаели морды бегемотские, хоть в плуг запрягай, а толку от них как от пугала огородного. С виду они только страшные, — бубнил он себе под нос.

Между консьержами ТСЖ<sup>1</sup> и охранниками ЧОПа была некоторая напряженность в отношениях. Наряженные в форму консьержи превратились для скучающих охранников в постоянные мишени для насмешек и обидных издевок. Консьержи платили простоватым охранникам всякими мелкими гадостями, но до открытого конфликта дело пока не доходило.

Привычка говорить с самим собой пришла к нему одновременно с бессонницей, практически сразу после смерти ненаглядной Софьюшки. Ну почему тогда Господь его тоже не прибрал? Ведь говорят, что старики друг без друга не живут

---

<sup>1</sup> Товарищество собственников жилья.

долго. А вот оно, опровержение в его лице. Уже который год старик бобылевал в одиночестве, почти каждый день вспоминая Софьюшку.

Вдруг в дверь забарабанили. Громко так, настойчиво. Вот наглецы! Там же домофон есть. На экране монитора стояла черно-белая растрепанная девчонка и молотила ногами в дверь. Вот дура! Дверь отмывать придется. На другом мониторе появился пьяный вдрызг парень. Разорванная грязная одежда и шатающаяся походка парня, да еще то, что он шел с вытянутыми вперед руками, качнули весы выбора в пользу тарабанившей в дверь хулиганки. В другой ситуации он бы ни за что не открыл дверь, хоть затарабанился. Ходят тут всякие. Сначала кнопку интеркома нужно нажать, потом вежливо объяснить, чего нужно, а вот уже после этого он решит — пускать гостя или не пускать. Во всем должен быть порядок.

Щелкнул магнитный замок, запищал интерком, сообщая о том, что дверь открыта. Девка запрыгнула в подъезд как ошпаренная. Дверь хлопнула с громким металлическим лязгом. Ах ты, лярва непутевая! Доводчик двери только две недели назад новый поставили. Если сломают, опять чинить придется.

Дед встал из вертялого кресла и с грозным видом высунул голову в свое открытое окошко. Но резкий окрик так и остался у него в легких. Девка со всей силы тянула ручку подъездной двери на себя, нелепо упершись ногами в порожек под дверью. Можно было сказать, что она практически висит на ручке двери, отключив налитую крепкую задницу в сторону деда. Девка еще подвывала от жуты и визгливо кричала на дверь:

— Чего тебе надо, дебил?! Отстань от меня! У меня папа милиционер! Вы-ы-ы-у-у-у-ы-ы-ы. Мама-а-а-а!

Крики девки сорвались на истеричный визг. Дед отклонился назад и посмотрел в мониторы входной группы. Перед дверью стоял тот самый пьяный парень, который топал вслед за девкой.

— Вот блудня, сначала задом крутят, сиськами трясут, а потом сопли кулачком размазывают, — пробубнил старик себе под нос.

Почему-то он решил, что пьяный пристал к девке, польстившись на ее окормленный зад и прочие прелести.

— Скромнее надо быть. Тогда и алкаши всякие клеиться не будут, — продолжил он тихий диалог сам с собой. — Ты дверь-то не держи, я замок заблокировал! Милицию сейчас

позовем! Да заткнись ты, дуреха! Весь подъезд переполошишь! — крикнул старик визжащей девке.

Девка оторвалась от двери и, мухой заскочив на площадку, прилипла к его окошку.

— Дедушка, миленький. Меня убить хотят. Спасите меня, укройте куда-нибудь, — затараторила беглянка.

— Да не переживай ты. Тут знаешь какая охрана. А двери какие! О-о-о. А камер сколько понаставлено. Сейчас все безобразия твоего ухажера запишут, а потом отправим его куда положено. Пусть ума наберется.

— Да никакой он не мой. Дедушка, а можно я у вас посижу?

Старик задумался. Опасной девка не выглядела. Скорее жалкой и, разумеется, испуганной.

— Ладно, седи.

Пускать ее не хотелось, дед снимал на работе начищенные до блеска ботинки и сидел в мягких замшевых тапочках. Вид у него от этого делался комично-несерьезным. Он старался, чтобы никто не заметил его маленького нарушения дисциплины.

— Да успокойся ты, милая. Уже все позади. Никто тебя здесь не тронет.

Девка уселась на топчан. Слезы градом катились из ее голубых глуповатых глазок. Он протянул ей пачку обычных столовых салфеток.

Напустив на себя серьезный, внушительный вид, старик вернулся к мониторам. Парень толкался в дверь всем телом. Он даже рассек себе лоб о металлические декоративные завитушки на двери. Вот это да! Наверное, тоже наркоман. Старик нажал кнопку вызова старшего смены на аппарате внутренней связи.

— Здравия желаю. Терешкин говорит. Третий дом, первый подъезд. Докладываю: во входную дверь пьяный какой-то ломится, а у второго выхода какие-то подростки толкуются. Тоже пьяные, наверное.

— Принято, ждите, — прозвучало в трубке, и запищали частые гудки.

В милицию пора звонить. Он набрал «02» на телефоне. Девка за спиной звонко сморкалась в салфетки и жалобно всхлипывала. Шел гудок за гудком, но трубки никто не поднимал. Совсем обленились, взяточники!

Наконец в трубке шелкнуло, приятный женский голос осведомился о его персоне и о причине вызова. Старик цере-

монно назвал свои должность, фамилию, имя и отчество, сообщил адрес и пожаловался на хулигана, упомянув о потерпевшей.

— Вызов принят. Ждите экипаж патрульно-постовой службы.

Парень все так же стоял у двери, но биться перестал. По идее его уже должны были заметить. Старик нехотя всунул ноги в начищенные ботинки и туго завязал шнурки. Нужно было выглядеть как следует, когда начальство появится или милиция приедет.

Дед налил из чайника воду в кружку и принес ее икающей девке. Она уже не плакала, но губы у нее дрожали по-прежнему, да она вообще вся дрожала. Вот непутевая. Тут солнце только пригревать стало, а она уже с голыми коленками по улицам прыгает, да и курточка совсем коротенькая. Наверное, чтобы пирсингами своими сверкать. Это ж надо, моду какую вывели. Пупки себе прокалывают! В стародавние времена только патлы да клеши носили, чтобы выпендриться, теперь уж и резать да колоть себя стали. А что дальше будет? Руки-ноги отрезать начнут для оригинальности?

Старик услышал звук открывающихся дверей лифта. По плитке лифтового холла звонко зацокали женские каблочки.

Он суетливо выглянул в окно. Мимо него быстрым шагом прошла молоденькая фифа из самой дорогой квартиры всего жилого комплекса.

— Здравствуйте! — поздоровался с ней старик.

Фифа демонстративно проигнорировал его. Он не обиделся. Его это даже не задело. Уже после первого месяца работы на этом месте он отгородился своим стеклом от всякого негатива со стороны жильцов. Старик будто смотрел сериал, который шел на громадном экране его окна. Люди играли там роли плохих и хороших, добрых и злых персонажей. Без негодяев и злодеев сериал был бы пресным и скучным. Фифа играла роль высокомерной противной особы с мерзким характером.

Как и любой из зрителей сериала, он всегда старался предугадать события, которые произойдут. Он пытался разгадать каждого персонажа — как кроссворд или ребус. Ему было интересно. Со временем он начинал подмечать такие тонкости, которых не замечали окружающие. Допустим, он знал, что бизнесмен с четвертого этажа воспитывает не своего сына. Его жена согрешила с его же самым близким другом. Никто не



знал, а старик знал, то есть догадывался. Мальчик был очень похож на мать, но нос... Нос был точной детской копией носа лучшего друга бизнесмена. Старик еще в молодости заметил, что близкие родственники похожи носами. Человек худеет и толстеет, отращивает усы и бороду, однако нос у него меняется незначительно.

Сейчас консьерж смотрел на спину фифы в яркой спортивной жилетке.

— Девушка, — он не помнил, как ее зовут, — там хулиган за дверью опасный. Я милицию вызвал.

Она смерила его презрительным взглядом высшего существа и пошла дальше.

— Он девушку чуть не убил. Преступник там, — успел крикнуть он ей вслед.

Старик недолюбливал высокомерную особу, но не хотел, чтобы с ней что-нибудь случилось.

Дамочка замерла прямо перед самой дверью. Она раздраженно развернулась на каблучках, бросила на него уже гневный уничтожающий взгляд, как будто это он притащил туда пьяного хулигана специально для нее.

— Так вот не сказал бы этой мамдели про хулигана — вот попрыгала бы она тогда, — пробурчал старик себе под нос. Слово «мамдель» он подобрал из лексикона завсегдатаев приподъездных скамеек его старого дома, которые в любую погоду сидели там как куры на насесте, перебивая кости соседям и родственникам. Сплетницы еще любили обсуждать сериалы и здоровье, но перебивание костей и наклейка ярлыков стали для них неким высшим служением на этом свете.

Мамдель опять молча процокала по плиткам пола мимо него в сторону второго выхода.

— Там тоже хулиганы, но их там человек пять. Наркоманы, по-моему.

— А вы чего тут сидите? Я опаздываю! Вам за что деньги платят? Будьте любезны выполнять свои обязанности. Боже мой! Проклятая Рашка! А еще говорят, что страна европейского уровня.

Фифа остановилась прямо перед ним.

— Делайте же что-нибудь! Я не собираюсь по вашей милости опаздывать. У меня запись. Понимаете?

Ответить он не успел. Запищал домофон, послышалась возня и ругань:

— Да чтоб тебя!.. Отвяжись... — Дальнейшие звуки были из уличного лексикона.

В подъезд заскочил композитор Лернер. Франтоватое короткое пальто на нем было испачкано грязью и кровью. Очки слетели с головы и покатались по полу.

— Безобразие! Что тут творится?! От бомжей уже житья не стало. Скоро из своих помоек на кухню ко мне переберутся.

Он на ходу вытирал окровавленную руку. Плотный, коренастый, весь заросший волосами, Лернер напоминал сейчас разозленного медведя, которого нарядили в дорогие шмотки и лакированные туфли. Он даже очки с пола не поднял от возмущения.

— Вы почему такое допускаете? На меня напали прямо у дверей моего дома, — наскочил он на деда с другой стороны.

— Я уже милицию вызвал... — Старик оторопело попятился внутрь своего аквариума.

«Эх, плакала моя работа. Выпрут, как пить дать», — подумал он. Зная склочный характер обидчивого деятеля искусств, Федор Ефимович не сомневался, что его с шумом и помпой выпрут из штата консьержей ТСЖ, чтобы улажить пылающего праведным гневом Лернера.

А работал старик здесь уже больше пяти лет. В те далекие времена, разжалобив кадровичку, он убедил ее скинуть ему пять лет при устройстве на работу. Сейчас ему было уже семьдесят, но он всегда выглядел моложе своих лет. Развеселило, когда его поздравили с 65-летием и вручили грамоту за безупречную службу на протяжении пяти лет. Три знаменательные даты как-никак: 70-летие, 65-летие и 5-летие безупречной службы. Анекдот, одним словом. Кадровичка давным-давно уволилась, а карточка Т-1 у него в личном деле так и осталась прежней. Да на консьержей вообще мало внимания обращали.

— А если у меня заражение крови будет? Или этот сумасшедший больным каким-нибудь окажется? Вы за это отвечать будете? — Композитор махал своими толстыми волосатыми окровавленными пальцами перед лицом старика. — Да я вашу контору дяди Никанора по миру пушу. Руки — это мой инструмент. Они бесценны. Вы можете это понять?

— Да что они вообще понимать могут? Бездарный народ, элементарную охрану организовать не могут. Вот в Швейцарии... — вторила композитору фифа.

Экзекуцию старика прервали выстрелы с обратной стороны дома. Все участники безобразной сцены переглянулись. Старик, сразу бросив своих «собеседников», быстрым шагом прошел через лифтовый холл и тамбур лестничной клетки ко второму выходу из подъезда. Приложив болтавшуюся у него на шее карточку к белой коробочке, он открыл дверь.

На грязном газоне с мокрой прошлогодней травой валялись трое хулиганов. Четвертого ломали мордовороты из охраны парковки. Пятый хулиган беззвучно трепыхался на земле, скованный наручниками. Лоб у него был рассечен до кости. Двое охранников бросили связанного брючным ремнем хулигана рядом с его подельником. А вот затем они кинулись к третьему охраннику. Он лежал на спине практически вплотную к бетонному крыльцу черного хода, и старик его поэтому сразу не заметил.

— Старый, хрен ли встал? «Скорую», милицию вызывай! — крикнул ему высокий охранник, кажется, Володя его звали.

Руки и ноги раненого бойца мелко и часто тряслись. Охранники зажимали ему обильно кровоточащую рану на шее.

Старик сразу побежал в свой аквариум. Дрожащие пальцы предательски попадали мимо кнопок. Набрать злосчастный спасительный номер никак не получалось. Наконец он дозвонился до «скорой» и сделал вызов. Второй раз вызвать милицию он не успел. Запищал сигнал двери. Мимо остолбеневших жителей порывисто прошел охранник Володя. Вся одежда охранника была заляпана кровью и какими-то ошметками, еще от него несло резким противным запахом. Композитор закатил глаза и боком завалился на фифу. Мамдель взвизгнула от неожиданности и обеими руками оттолкнула от себя сомлевшего Лернера. Композитор кулем плюхнулся на твердый пол, крепко приложившись о него косматой головой, но дела до него никому не было.

Володя кинул на стол черную обрезиненную дубинку-фонарь, вырвал телефонную трубку у деда из рук и набрал номер.

— Семенов, старший смены говорит. Главному доложи. На третьем доме ЧП. Нападение на охранников. Трое нападавших убиты, двое задержаны. Личный состав понес потери. Я ранен, Богомольцев ранен, но легко, Сивоша убит... Убит говорю. Трупы, мля! Давай вызывай кого положено, людей пришлите на усиление.

Фонарь охранника практически бесшумно прокатился по столу, оставляя рубчатый кровавой след обрезиненной рукояти и дефлектора, а потом упал за стол. Трубка легла на стол. Охранник выдернул кипу салфеток у замершей как соляной столб девки и приложил их к кровоточащей руке. Было так тихо, что легкое шуршание салфеток казалось скрипом наждачной бумаги.

На ремне охранника зашипела рация.

— Владик, прием, слышишь меня?

— На связи, прием, — отозвался охранник.

— Сейчас Кожин к тебе должен подъехать. Они еще людей к нам отправляют.

— Принято. Я сейчас в первом подъезде. Потери у меня: двухсотый есть.

Дальнейшего разговора старик не мог разобрать. Охранник вышел из его комнатки и остановился возле лестничной клетки. Голос и звуки рации рикошетили эхом от бетонных стен, сливаясь в чудовищную какофонию.

«Так он Владислав, оказывается. Вот чертова память», — пронеслось в голове старика. Он уже достал аптечку и начал распаковывать вату и перевязочные пакеты. Пластмассовые флакончики с хлоргексидином и перекисью водорода выскользнули из рук старика мокрыми карасями. Ему на помощь пришла спасенная им беглянка.

Владик вернулся в аквариум и вопросительно посмотрел на ползающих по полу старика и девку.

— Позвольте я вам ранку обработаю и повязочку наложу. Вы так инфекцию можете подхватить, — стала объясняться отошедшая от истерики девка.

Охранник, оценив прищуренным взглядом степень своего доверия к юной пигалице, подобрел лицом и протянул ей окровавленную руку. Она как-то уж совсем сноровисто покрутила его кисть и взяла из рук старика пластмассовый флакончик.

Охранник внимательно рассматривал скрючившегося на площадке Лернера.

— А с этим что? Ой, больно! — Владик выдернул окровавленную кисть из руки девки.

— На него тоже напали, но на другой стороне. С главного входа... — начал было говорить старик.

Охранник взглянул на мониторы: сейчас перед входной дверью было пусто, а вот на гостевой парковке перед домом

пусто не было, там все тот же напавший на девку парень ломился в дверь припаркованного джипа. Водитель джипа не стал испытывать свою машину на прочность, а просто сорвался с места, опрокинув хулигана на соседнюю машину. Противно завывала сигнализация.

— Твою ж мать! — крикнул охранник и побежал на улицу. Хлопнула дверь.

Подбежав к настырному хулигану, охранник со всей силы ударил того рукой в голову. Монитор не мог передать звука, но по разеваемому рту можно было понять, что охранник кроет матом этого наркомана. В том, что тот наркоман, Федор Ефимович уже не сомневался. От увесистых ударов охранника парня мотало из стороны в сторону, но он даже не уклонялся от ударов и не пытался закрыться. Несмотря на боль, он лез на Владислава с тупой и неумолимой упертостью.

«А может, он совсем боли не чувствует? Под кайфом, наверное, наркоманище несчастный», — подумал дед.

— Мамоchка-а-а, — за спиной старика вновь начала подвывать спасенная им девка.

Взбешенный охранник бросил наркомана через бедро, только высоко сверкнули красные кроссовки обкуренного. Старик аж зажмурился, таким страшным ему показался удар тела об асфальт. Дальше началось совсем невообразимое. Наркоман поднялся на руках и пополз в сторону охранника. Наверняка от удара ему перебило хребет. Владик пятился спиной к двери, а наркоман полз вслед за ним, волоча безжизненные ноги. Крепкий с виду охранник ударил негибавшего наркомана ногой по голове, потом еще и еще раз. Каждый пинок тяжелого ботинка на какое-то время останавливал наркомана, его голова моталась от ударов, он падал, но все равно поднимался и полз. Челюсть у наркомана отвисла и свободно болталась. Наверное, ему охранник и челюсть сломал. Затем Владислав и непобедимый наркоман исчезли из поля зрения камер.

Примерно через три минуты в дверь опять замолотили. Это охранник подошел к двери вдоль стены по отмошке. Старик, торопясь, нажал на кнопку.

Когда охранник вошел, на нем лица не было. Здоровый мужик был бледен как полотно, зрачки глаз были расширены почти на всю радужку, его покачивало. Кулаки у него были

изодраны, на пол густыми каплями сочилась кровь. Старик вышел ему навстречу, боясь, что тот упадет.

— Слышь, дед. Это чего такое творится? Я его в отбивную размесил. Я же об него руку себе сломал. А ему хоть бы хны. Да мне в горах так страшно не было!

Владик сел на небольшой мягкий пуфик из ряда таких же пуфиков вдоль стены и замер с округлившимися глазами.

— А ты его куда дел-то, милоч? — осторожно спросил старик.

— А? — вынырнул из прострации охранник. — А я его это... Я его в приямок сбросил. Решетку поднял — и туда его, на бетон бросил. А решетку потом закрыл. Мы же сегодня троих из ружья положили. Насмерть! Дед, что же будет?

— А давайте я вам ранки обработаю. Мы же не закончили, — опять вмешалась девка со своей инфекцией.

Со стороны лифтового холла раздался резкий звук. Лернер громко пустил ветры. Старик вздрогнул от неожиданности. На самой верхней ступеньке коротенькой лестницы маячил композитор, лохматый и страшный, как бабайка. Похоже, девка уже успела привести его в чувство или он сам очухался.

— Ага. Надо обработать, — бесцветным голосом отозвался охранник.

Это окончательно вывело ситуацию из кратковременного ступора. Девушка легкой пружинкой подскочила к охраннику и склонилась над ним. Snоровисто закатала рукава куртки и рубашки на обеих руках и продолжила осмотр. Она ловко ошупала руки Владислава.

— У вас на правой руке пястные кости сломаны и мизинец вывихнут. Это как минимум. Вправить нужно и кости на место поставить.

— Делай что знаешь, — совершенно безразлично сказал охранник.

Старик не видел, что там происходит. Охранник сначала весь вскинулся и зашипел от боли, а через некоторое время заорал благим матом.

— Ничего, ничего, сейчас только повязочки наложим, и все. Вам обязательно в травму сегодня обратиться надо. И еще рентген нужно сделать. Вдруг еще имеются повреждения.

Охранник зарычал.

— А у вас еще бинты есть? — спросила девка у старика.

— Нет. Это все.

— Хорошо, что у вас хлоргексидин оказался и перекись, — сказала она старику. — А на рассечение швы накладывать придется, края стягивать, травмпункта вам не миновать, — обратилась она уже к охраннику.

— Угу, — отозвался Владислав.

Композитор голосом умирающего лебедя запричитал, упершись головой в белую бетонную стену:

— У меня же тонкая душевная организация. Я даже ужасы не смотрю и криминальные новости пропускаю. А тут такое творится!

— Заткнись, тонкая организация. Живой остался — радуйся, значит. У меня сейчас бойца насмерть загрызли, а ты тут о пальцах ноешь, — рывкнул на композитора Владик.

— Не ругайтесь на него. У него тоже ранение, связки и суставы повреждены к тому же. А вы, дяденька, домой идите умыться и переодеться, а потом тоже в травмпункт, — осадила обоих мужиков девица.

— Ты, наверное, врач, красавица? — спросил у нее охранник.

— Нет, я медсестра из детской поликлиники. Сегодня по плану грудничков на своем участке обходила.

— А где же ты, милая, того младенца-то подцепила? — участливо спросил у нее старик, намекая на того самого наркомана.

— Он прямо перед домом стоял. Голова в крови, одежда в крови. Я просто подошла спросить, думала, ему помощь нужна, а он меня хватать стал. Я как увидела его глаза, так и пустилась бежать. Ужас такой жуткий. Сумку в него бросила и побежала. А с другой стороны такой же идет. Я вот к вам и стала стучать.

— Да, глаза, — встрепнулся охранник. — Я такого ужаса в жизни не видел. В глаза смотрел человеку, которому голову отрезали, а такого не видел. Не было у меня такого в жизни.

— Убирать их надо, а то скоро дети из школы пойдут. Напугаются, или еще что похуже случится, — забеспокоился старик.

Милиция все не ехала. Но появился микроавтобус охранной фирмы. Приехал замдиректора и какой-то человек в военной форме без знаков различия, с ними было два вооруженных охранника.

Трупы на газоне накрыли черной пленкой и огородили участок импровизированным заборчиком из строительных

поддонов. В помощь охранникам председатель ТСЖ прислала двух дворников и недовольного электрика.

Скрученных хулиганов закрыли в техническом подполье. Там клетка из арматуры была типа обезьянника, в ней раньше строители свой хлам хранили, а теперь как камеру решили использовать. Непробиваемого наркомана оставили там же, в приямке. Вроде как он сам решетку поднял и спрыгнул туда. А загрызенный охранник, к счастью, живым оказался, только умом повредился, на всех кидаться стал. Его связали и вместе с Владиком отправили на микроавтобусе в больницу.

Появившийся охранник с замом и незнакомым полувоенным остались дожидаться милиции. Председатель ТСЖ крутилась возле них, кудахча как квочка на яйцах.

Медсестра повела трясущегося словно желе композитора в его квартиру.

Только сейчас старик понял, что фифа исчезла.

Жила она на самом верхнем этаже, в двухэтажной квартире с большими лоджиями, зимним садиком и террасой на крыше. Во всех четырех домах-близнецах была только одна такая квартира. Сами хоромы принадлежали странному лысоватому мужику за сорок с совершенно бесцветным лицом. Утром он уезжал около десяти часов в сопровождении водителя и двух охранников, а вечером около десяти возвращался с той же обслугой. Старик был уверен, что, если увидит его без охранников и в обычном тренировочном костюме или свитере, — ни за что не узнает. О нем было известно только то, что фамилия его Петров. Кем ему доводилась фифа, старик не знал.

— И куда эта мамдель делась? — забурчал старик. — Убегла, как только жареным запахло. Вот так упадешь на улице, и все перешагивать тебя будут.

Чоповский зам потребовал от него рапорт, а полувоенный долго и тщательно объяснял ему, что и как нужно говорить милиции, а чего не нужно говорить. Потом председатель ТСЖ его долго расспрашивала о том, что произошло.

Вдруг в дверь опять забарабанили. Старик в испуге бросил взгляд на экран. Ох, слава богу. Приехала Роза Марковна — мать композитора Лернера.

Розу Марковну старик любил. Тучная и безмерно энергичная дама всегда появлялась как торнадо, неизменно поднимая вокруг беспорядочную суету. Сноху она грызла хуже хорька в курятнике, а двух внучек буквально душила своей необъятной



любовью. Возникал один вопрос: как она успела за такое короткое время добраться сюда из Звенигорода, куда ее отправили в подмосковную ссылку?

— Где мой мальчик? Что случилось? На него напали? Федор Ефимович, дорогой мой, скажите, что тут произошло? Миленкий, что с моим мальчиком? Вы же его знаете, он так заботится о моем больном сердце, он мне опять будет тайны делать. Но неизвестность меня ножиком терзает. Скажите мне, что случилось? Мне врач звонила, какая-то молоденькая девочка. Не томите, что с ним?

— Не беспокойтесь, пожалуйста, Роза Марковна. У нас тут хулиганы...

— Ой, ой, ой! Мое сердце! Я чувствовала, я знала, добром это не кончится. Он жив? Скажите, его сильно убили?

— Хулиганов обезвредили охранники. А он...

— Вот несносный мальчишка. Я же говорила, что он всегда сует нос не в свое дело. Зоей Космодемьянской себя почувствовал. Он же такой правдолюб да еще горячий, как мамина каша. Всегда ему достается за других. Да-да-да. Ему рядом нужен друг и советчик. Я сегодня же возвращаюсь к нему. И теперь он не отвертится.

— Его за палец укусили.

— Откусили палец?

— Нет. Просто укусили.

— Собака? Бешеная собака?

— Нет, хулиган укусил. Здоровый, в смысле не больной, хулиган-наркоман.

— Наркоман? Божечки! Я вылечу своего мальчика!

Не дождавшись лифта, Роза Марковна затопала вверх по лестнице. В каком виде она доберется до третьего этажа? Что она доберется, старик нисколько не сомневался. Роза Марковна была доброй женщиной, очень доброй, пусть даже по-своему, но только от нее старик получал ту искреннюю доброту, которой ему так не хватало. Каждый раз, когда приезжала, она угощала его котлетами, тефтелями, печеньями, салатами. Пусть это даже было то, что не съели ее сыночек со снохой и внучками и что жалко было выбрасывать. Но все было по-домашнему вкусным и свежим. Хотя дело было совершенно не в этом. Она всегда интересовалась его здоровьем, искренне сопереживала его суставам и повышенному холестерину, а давление и гипертония были ее любимейшей темой.

Теплое участливое внимание к одинокому старику — вот что было важно. Только это было самым ценным в его одинокой жизни. Самым ценным после дочери, которой он не видел уже больше десяти лет, и внуков, которых он никогда не видел вообще, кроме как на фотографиях.

Утихшее было броуновское движение в подъезде возобновилось. И началась какая-то нездоровая суeta.

Появились люди с сумками и баулами. Было похоже, что начался массовый переезд или все собирались уехать пожить на дачу, а может, в путешествие или турпоход. Все четыре лифта двигались непрерывно. Старик выкрутил болтик из рычагов автоматического доводчика двери, чтобы не сломали, и распахнул дверь настежь. Другие что-то выспрашивали и выясняли у отъезжающих. Появились еще охранники, уже с ружьями.

Старик вежливо здоровался с жильцами. Но по растерянным, испуганным или напряженным лицам он понимал, что разговаривать с ними не стоит.

Вернулась фифа. Она вела себя так, будто ничего не произошло.

Около четырех подъехал здоровенный тонированный Cadillac Escalade, из него выкатился армянин Казарян. Он всегда выходил прямо около подъезда, а в паркинг водитель ехал уже без него. Он единственный, кто никогда не спускался на подземную парковку.

— Здравствуйте, Тамар Саркисович.

Казарян растерянно кивнул ему и зачем-то положил в окно стодолларовую купюру, но потом вернулся от лифта и забрал ее.

Сегодня с ним тоже было что-то не то. Сверкающий огнями, как новогодняя елка, «кадиллак» остался у подъезда, да и Казарян шел молча. Обычно он вышагивал, шумно решая все свои бизнес-вопросы по телефону громко, на весь двор. Он орал в трубку так, что, наверное, собеседники могли услышать его и без телефона. Каждый божий день он шел из дома в машину и из машины домой, оглушая весь двор своими важными телефонными беседами. Говорил он на армянском, на русском и на корявейшем английском, перемежая свой диалог толерантным русским матом. Старик слышал, как над ним укладкой потешались подростки, особенно над его англий-

скими разговорами. На английском он говорил что-то особенно смешное.

Казарян со всеми вел себя или надменно, или заискивающе, а со стариком всегда разговаривал подчеркнуто уважительно — тем он и ему нравился. Еще Казарян до умопомрачения любил своих толстых детей, засыпая их подарками и заграничными поездками.

Казарян спустился вниз минут через пятнадцать вместе со своим семейством: маленькой тихой улыбчивой женой и тремя закормленными отпрысками. Обычно шумные и эмоциональные, дети вели себя странно тихо.

Черный «кадиллак» сорвался с места и исчез.

Уже после половины пятого приехала жена композитора с дочками. Она не стала спрашивать старика о том, что тут произошло, а сразу прошла в лифтовый холл. Увидев там очередь, потащила детишек на лестницу. Его удивило, что от композитора до сих пор не вернулась медсестра.

## Глава 2 ЗАРАЗНОЕ БЕШЕНСТВО

Милиция так и не приехала. С улицы доносились выстрелы и завывание сирен. Подъезжала «скорая».

Старик по-прежнему смотрел свой бесконечный сериал про жильцов этого дома. Сегодня сериал ему не нравился: возникало гнетущее впечатление. Он прекрасно помнил начало войны, хотя был тогда еще ребенком. Сначала была какая-то напряженная бравада, все говорили о том, что две недели, ну месяц — и Гитлера поганой метлой отправят в его Берлин. А время все шло и шло, а Гитлер все не выметался и не выметался. Наступила холодная страшная зима. Тогда он почувствовал вокруг страх и какую-то унылую безысходность. Сейчас вокруг происходило то же самое. По крайней мере, внутреннее ощущение было таким же.

За трупами убитых хулиганов так никто и не приехал. Похоже, что до происшедшего убийства никому и дела не было. Ни милиции, никого из официальных властей за весь день старик не увидел.

Сериал продолжился очень плохо. С улицы опять звучали выстрелы. С лестничной клетки донеслись дикие крики, как

будто кого-то режут живьем. Крик не только не прекращался, а нарастал и приобретал новые обертона и оттенки. Слышался топот нескольких пар ног. Происходило нечто действительно ужасное.

С лестничной клетки выскочила жена Лернера. Стоящие в лифтовом холле жители прижались к стенам. Вся растрепанная, без пальто, с кровавыми пятнами на одежде женщина бежала, не разбирая дороги. На одной руке она несла младшенькую девочку, а второй тащила за шиворот старшую. Жена Лернера с дико выкаченными из орбит глазами проскочила через вестибюль и живым тараном ударилась, не снижая скорости, в подъездную дверь. Магнитный замок был заперт, и женщину аж отбросило обратно. Не сговариваясь, все кинулись к ней. Младшенькую девочку безумная женщина прижимала к себе спереди и со всей силы ударила ею в массивную запертую створку да еще припечатала своим телом. Как можно двери не увидеть? Малышка не шевелилась. Старшая девочка не ударилась о дверь, она упала на пол, в руках у матери остался воротник детского пальто. Но старшая девочка тоже лежала неподвижно.

Все ждущие лифт жители кинулись к обезумевшей женщине и детям. Но тут дверь лестничной клетки распахнулась второй раз. В лифтовый холл заскочило чудовище. Именно заскочило, а не зашло или забежало. Чудовище было Лернером. Было похоже, что его окунули головой в кровавую ванну. Густая шапка волос на голове и беспорядочно торчащая во все стороны борода сейчас слиплись в жуткую африканскую маску. На композиторе был его нелепый халат, напоминающий старую черную шубу из цигейки. Только по этому халату да бочкообразной фигуре старик опознал Лернера. Халат был тоже весь заляпан кровью.

В вестибюле поднялась жуткая паника. Жильцы и гости, толкая друг друга, бросились к двери. Поднялся жуткий гвалт. Лернер динамичной приседающей походкой прошел мимо аквариума старика. Дверь хлопнула за последним убегающим. Лернер на несколько мгновений замер у самого низа ступеней и двинулся в сторону зарешеченного окна вестибюля. Под окно на скамеечку уложили его маленькую дочку. Беззащитное детское тельце в розовой теплой кофточке, джинсовом платице и в беленьких теплых колготках лежало, беспомощно раскинув ручки в стороны.

Вид маленькой розовой ладошки впился старику в душу огненным клеймом. Кровавая мохнатая туша двигалась в сторону ребенка.

— Нет, нет, не-э-э-эт!!! — заорал старик.

Он распахнул окно и кинул в спину чудовища журнал, тяжелую металлическую карандашницу и чайник с кипятком. Чудище среагировало только на удар пластмассового чайника по голове. Композитор замер и медленно всем телом повернулся в его сторону.

— Иди сюда! Иди! Иди ко мне! — кричал старик.

В чудовище полетели томик Есенина и связка ключей. Жуткая маска монстра раскрылась. Это не маска раскрылась — это распахнулась здоровенная кровавая пасть. Жуткий оскал разорвал слипшуюся от обилия крови бороду.

Сердце старика замерло. Он весь заледенел. Чудовище кинулось к нему. Единственное, что успел сделать старик, — это упасть на подкосившихся ногах. Жалобно заскрипели подоконник и выдираемая весом чудища алюминиевая рама. На стол плюхнулась туша. Старик, инстинктивно спасаясь от монстра, закатился под стол. Вжавшись спиной в тонкую перегородку под окном, он наблюдал, как две окровавленные босые ноги столбами встали на пол прямо перед его глазами.

Старик в панике зашарил вокруг себя. На гладком полу не было ничего, кроме фонаря-дубинки охранника. Старик подхватил смешное оружие и выставил его в сторону твари. Чудовище присело на корточки. Совсем по-человечески так присело, как ребенок в песочнице. Только не куличики тварь собралась лепить. Она лезла жрать. Это уже не вызывало никаких сомнений. Пасть вновь распахнулась, и тварюга, опустившись на четвереньки, полезла под стол.

Единственное, что смог сделать старик, — это ткнуть в пасть монстра фонарем. Раздался треск и шелчки. Монстр сжал фонарь челюстями. Треск был слышен все равно. Тварь стала заваливаться набок. Старик отпустил дубинку, и чудовище гигантским снопом упало на пол, почти перегородив выход из-под стола.

Федор Ефимович собрался с духом и полез прямо по твари. Его гнал животный ужас. Всего колотило. Он несколько раз подряд сильно ударился головой о крышку стола, но даже не почувствовал этого. О том, что он ударился, ему сообщили только звуки ударов головой.

Внезапно что-то подхватило его и вынесло в коридор. Это его спасли руки высокого крепкого охранника. Крупный парень одной рукой со всей силы вогнал в голову чудовища пожарный топор, но не лезвием, а обратной, колообразной частью. Страшный зловеющий хруст неприятно резанул слух.

— Дед, как ты? Живой? Он тебя укусил? — Охранник вернулся и навис над ним как мать над ребенком.

— Девочка. Что с девочкой? Ребенок. Дурак, ребенка спасай! — Голос деда клокотал и хрипел, как перегретый тракторный радиатор.

Парень поднял старика за шиворот и покрутил как тушку кролика на базаре, рассматривая со всех сторон. Потом усадил деда на пол у стены и внимательно осмотрел его руки.

— Дед, все в порядке. А на это ты внимания не обращай. Со всеми бывает. Я блевал сегодня с утра, а сейчас ничего.

Парень оставил Федора Ефимовича, а сам пошел к девочке. Только сейчас старик понял, что обмочился. В штанах было мокро и тепло. Волна накатившего стыда неожиданно выбила наполнявший его ужас. Взгляд старика упал на неподвижно лежащую тушу монстра.

Тем временем в подъезд зашли трое охранников в черной форме. Впереди шел Акулин — начальник ЧОПа по режиму. Дольше него в охранной фирме не работал никто. Акулин перешагнул через старика и склонился над тушей твари с топором в черепе.

— Опять такое же. Везде одно и то же. Тришаков, ты как его умудрился топором-то завалить? Мы втроем такого красавца сорок минут назад только из дробовика упокоили картечью в упор.

— А он неподвижно лежал. Его дед чем-то оглушил, — донесся от входной двери в подъезд голос того самого парня, который помог старику подняться.

Акулин обернулся и с интересом посмотрел на старика.

— А ты чего скажешь, старый? — обратился он к деду.

— Я ему фонарик в пасть засунул, — слабым голосом ответил старик.

— Фонарик, говоришь, — усмехнулся Акулин.

Любое слово этого человека было наполнено сарказмом, глумливой издевкой или хамоватым цинизмом. Других интонаций в голосе Акулина старик так и не заметил за все время работы.

Акулин уперся ботинком в торчащий из головы трупа топор, затем, пошатав, вытащил из пасти монстра фонарь. Он покрутил его в руках, тщательно протер салфетками и прочел:

— Мэйд ин Ю-Эс-Эй.

Затем раздалась знакомый треск и щелчки, только более громко и отчетливо. На черной коронке вокруг отражателя фонаря запрыгали маленькие голубые молнии.

— Старый, ты знаешь, что это такое? — спросил Акулин.

— Да. Это электрошокер.

— Электрошокер! Это твой билет в колонию для дебильных малолеток и таких героев, как ты. Уголовка это, понимаешь? У нас в стране такие запрещены. Ты че, совсем тупой? И где взял-то такой. Титановый, на хрен... Оружие это. Запрещенное оружие, склеротик.

Старик попытался собраться с мыслями, чтобы ответить Акулину, но не успел.

— А, ладно, — махнул рукой начальник по режиму. — Теперь уже, похоже, все равно.

Фонарь исчез за пазухой у Акулина.

— Э, орлы. Тащите этого в яму. И это. Старому чего-нибудь подберите. А то от него разит. Еще этих уродов приманит ароматом своим.

Закончив раздавать указания, начальник склонился над стариком.

— Э, старый. Тебя этот кусал? — Акулин махнул рукой в сторону трупа. — Дед, ты все правильно сделал. Их только в башку упокоить можно. Герой, молодец-огурец, мля! Смотри. По улицам психи бешеные бегают. Если тебя такой укусит, то все, пипец, скоро таким же станешь. Понял меня? Стрелять в таких надо. Но убить их можно только в голову. Милиция сама таких отстреливает. Трупы уже на улице просто так валяются. Укушенных и окровавленных не пускай. Понял меня?

Акулин выпрямился:

— А, чего с тобой говорить. Балласт бесполезный.

Начальник направился к выходу из подъезда.

— Э, Тришаков, я вот че подумал. Там в аквариуме за шкафом дверь есть как в «Буратине». Там помещение охраны должно было быть, а эта грымза из ТСЖ каким-то долбаным колдунам в аренду его сдала. Там второй выход на улицу есть. Ломайте дверь. Пусть хреноманты обомнут. Систему туда тащите. Там даже кабель есть. Если чего, там обороняться можно. И

это. Там еще люк в полу есть, в подвал можно попасть и на парковку. Понял меня?

— Есть. Дверь ломать, систему установить. Принято к исполнению.

— Доложишь, как у колдунов освоитесь, чмуродей!

— Есть. — Крупный парень вытянулся по струнке.

Акулин вышел из подъезда.

Около маленькой девочки уже сутился другой мужик в форме охранника с красным крестом на белой повязке.

Тришаков подошел и поднял деда с пола.

— Не дрейфь, дедуля, все в порядке будет. Ты не менжуйся. Я бы тоже обделался, если бы такой на меня попер, а у меня один фонарик в руках.

Парень дружелюбно увесисто похлопал его по плечу. В подъезд стали осторожно заходить люди. Мужик в белом халате вынес на руках маленькую девочку на улицу.

Появились трое охранников со складской тележкой, которые вытащили нечто в халате Лернера из аквариума. Тело полностью скрывал халат. Были видны только кисти рук и уродливая голова с мощными опухолевидными наростами над глазами и громадной пастью. Пастью он действительно напоминал оборотня из фильмов ужасов. Челюсти заметно выдались вперед, так что губы перед ними не сходились вместе, оставляя вечный оскал. Кроме того, щеки композитора были порваны, причем, насколько понял дед, это само чудовище распахивало свою пасть до такой степени, что кожа лопнула. Количество зубов рассмотреть не получилось, но, наверное, их стало больше. Кисти рук тоже заставляли вздрогнуть при взгляде на них. У композитора были крупные руки с толстыми длинными пальцами, но теперь они заметно увеличились, стали узловатыми и обзавелись когтеобразными наростами на последних фалангах. Старик даже не пытался объяснить себе столь разительной перемены во внешности склочного и истеричного, но по-своему хорошего и талантливого человека.

Кровавые пятна на полу аквариума застелили старым одеялом из дворницкой. Бывшего композитора упаковали в черный полиэтилен, погрузили на тележку и повезли прочь из подъезда, замешкавшись у самой двери.

Тем временем тройка вооруженных охранников во главе с Тришаковым пошла вверх по лестнице. Ушли они не очень далеко. На лестничной клетке вновь раздались громовые вы-



стрелы. Много выстрелов. Похоже, тройка наткнулась на другую тварь или тварей.

Охранники бросили тележку с бывшим композитором и побежали на лестницу выручать своих коллег. Через пятнадцать минут появилась тройка. Тришаков тащил на руках второго бойца, а третий зажимал рукой рану на голове. Он был весь в крови. С улицы забежали еще два человека. Через двадцать минут с лестничной клетки вытащили изодранный в клочья труп девки, которую утром спас старик. Он узнал ее только по забавным красным коротким сапожкам на ногах. Вместо головы у нее торчал безобразный кровавый обрубок. Вся верхняя часть туловища зияла рваными ранами от картечи. Девку сразу вытащили и выбросили на улицу.

Затем вынесли остатки трупа Розы Марковны. Это были именно остатки. Все тело было изгрызено. Жутко воняло испражнениями. Лицо у нее практически не пострадало по сравнению со всем остальным. Шея был неестественно выгнута, а скальп наполовину содран, и сквозь эту рану виднелась глубокая, обрамленная кусками костей вмятина в черепе. Все остальное было превращено в освежеванную и наполовину обваленную тушу, только обвалку проводили не острыми мясницкими ножами, а ЗУБАМИ! Ее труп сразу выкинули во второй выход и сверху накрыли каким-то куском синей ткани — покрывалом или шторой. Роза Марковна так и осталась лежать там.

У Федора Ефимовича замерли внутри все чувства и эмоции. Он ничего не ощущал, совсем ничего. Он видел все как картинку с экрана телевизора. Старик опять смотрел свой сериал.

В этом сериале Тришаков с товарищем отодвинули от стены его каморки здоровенный офисный шкаф с папками. За ним оказался не очаг, нарисованный на куске старого холста, а обычная металлическая дверь, покрашенная серой грунтовкой. Дверь открыли весьма своеобразно: рядом с замком выломали кусок газобетонной перегородки, Тришаков просунул туда руку, отодвинул засов и открыл замок.

Небольшая комната за дверью действительно оказалось похоже на логово чернокнижников. В помещении господствовали все тона черного и бордового. Вдоль стен стояли старинные шкафы и этажерки с книгами и непонятными предметами. Черный кожаный диван и два кресла поражали своей

пафосностью. Перед ними стоял низенький журнальный столик в восточном стиле. Но напротив них имелось прямо королевское кресло, обитое пурпурным бархатом, за таким же королевским столом. На столе в беспорядке теснились подсвечники, валялись амулеты, прозрачные и цветные стеклянные шары, карты, непонятные рисунки и прочий хлам. Называлась эта кладовка диковин — «Салон магии мадам Ядвиги».

Охранников не впечатлил вид колдовской обители. Они свалили все со стола и установили там мониторы, клавиатуры, пулты и системные блоки, принесенные с улицы.

Громоздкое королевское кресло выкинули в лобби. Кресло почти развалилось от удара об пол. Старик, пораженный красотой мебели, заохал. Ведь раритет, наверное, зачем такую вещь портить. Один из жильцов, усмехнувшись, прокомментировал вандализм охранников:

— Во! Так это же театральный реквизит списанный. Инвентарный номер вон краской написан. Штамп театра и подписи с обратной стороны. Это примета есть у актеров такая.

Старик посмотрел на торчащий из пробитой обшивки кусок второсортной фанеры и шляпки обычных гвоздей. Ему впервые за сегодняшний день стало смешно. Выходит, у них тут под боком театральные представления проходили.

Старика тоже не забыли. Ему принесли комплект формы, но не такой добротной, с обилием карманов, ремешков, кулисок и прочей нужной канители, как у охранников, а старой, наподобие той, которая была у консьержей, но с короткой курткой вместо кителя. Только этот комплект был на два размера больше, чем Ефимычу требовалось. Но и на том спасибо, добрые люди. Ему даже дали уединиться в салоне магии мадам Ядвиги, вежливо подождав, когда он переоденется и приведет себя в порядок.

К вечеру процедура отбытия жильцов на отдых перешагнула стадию переезда и свалилась в паническое бегство. По лестницам и в лифтах тащили сумки, чемоданы, баулы. Кто-то пытался вывезти мебель, но его избили вместе с помощниками, а мебель разломали. Теперь вместе с бутафорской мебелью в лобби валялся разбитый стол и разломанное кресло из красного дерева.

Перед домом творилось что-то невообразимое. Автомобили ставили на клумбы и в альпинарий. Машины сталкивались. Люди лезли в драку. В итоге одна из машин полыхнула ярким

пламенем. Вместо того чтобы тушить, ее просто столкнули грузовиком в яму для фундамента забора, где она и догорела. Самое интересное, что бак у машины не взорвался. Но еще интереснее то, что никто никак не прореагировал на горящую машину. Пожарные также не приехали.

На устроенном в салоне магии посту охранники все же не разместились. Они бегали по этажам. Стреляли на улице. Несколько раз выносили трупы из подъезда и бросали их прямо у второго выхода. А потом охранники вообще исчезли, оставив включенными мониторы и пульта.

Старик остался практически в одиночестве. Уже мало кто появлялся в его сериале. Из своего аквариума Ефимыч обзрел загаженный вестибюль-лобби с грязным полом. Везде валялись брошенные вещи, разбитая мебель, какие-то разодранные пакеты, сумки и чемоданы. Внутреннее оцепенение в душе старика начало оттаивать, уступая место страху и недоумению.

Уже в третьем часу ночи с поста из подземной парковки поступил звонок. В телефонной трубке слышался какой-то подозрительный шум и сипящее скуление, по-другому старик не мог описать этот новый звук. Он кричал в трубку: «Алло, алло», — но на другом конце провода ничего, кроме этого шума, не было. Помучавшись пару минут выбором между тем, чтобы проверить, что там творится, и тем, чтобы остаться на своем посту, старик несколько раз набрал номер поста на парковке, потом позвонил охранникам поста на въезде. Везде было занято. Рации у него не было, сотового телефона тоже.

«А может, там кому с сердцем плохо или иная хворь какая? У меня ведь с собой и валидол, и корвалол есть. Наверное, лекарства хотели попросить. Помощи от меня ждут», — подумал он. Последняя мысль сорвала его с места и погнала в темный подземный паркинг. Он сгреб лекарства из аптечки и своего портфеля в большие карманы форменной куртки. При ходьбе карманы приходилось придерживать обеими руками, чтобы они не болтались.

Куча трупов перед выходом выросла за день в несколько раз. Также трупы лежали перед пандусом съезда в паркинг. Будка на выезде была пуста. Шлагбаум поднят. Паркинг темным не был, скорее там было сумеречно. Голубоватый неоновый свет заполнял все пространство. Машин на парковке

практически не осталось. На гладком асфальте, размеченном белой и ярко-желтой краской, валялись брошенные вещи.

Внизу тоже было помещение охраны в виде стеклянного павильончика. Звонили оттуда. Старик бодрой походкой шел к ярко освещенной стеклянной будке. Там стоял один-единственный охранник. Будка возвышалась над бетонным покрытием примерно на метр. Охранник смотрел на него сверху вниз.

«Разве он там один должен быть? А где остальные?» — подумал старик.

Охранник прилип к стеклу и приветственно поднял обе руки. Старик смутился и помахал ему рукой в ответ. Охранник всем телом толкнулся в большое стекло и замер.

«Дурной, что ли? А может, напился?» — озабоченно подумал Федор Ефимович.

Додумать ему не дали. Из тени за будкой появилась женщина приличного вида, но вся в крови. Старик попятился назад. Она молча двинулась в его сторону. Охранник всем телом стал биться в стекло. «Тум, тум, тум», — гулко разносилось по паркингу. За прошедший день Ефимыч понял, что с окровавленными людьми лучше не встречаться.

Старик развернулся и торопливой походкой пошел прочь. Жуть опять овладевала им. Он незаметно для себя перешел на стариковскую шаркающую трусцу. Шаркал не только он. За ним шагала, волоча ноги, окровавленная женщина. Синий неоновый свет делал картину похожей на второсортный фильм ужасов.

— Господи боже мой. За всю жизнь такого не было, — запричитал старик. — Да откуда напасть-то такая? Сначала наркоманы, потом композитор-чудовище да бешенство это страшное.

Сзади завизжала автомобильная сигнализация. Его следовательница наткнулась на стоящий автомобиль.

Старик закричал:

— На помощь! Спасите!

Его голос в безысходной панике метался под бетонным потолком вместе с визгом сигнализации.

«А может, встать вот так — и пусть кусает», — всплыла паническая мысль. Сразу захотелось сдаться. Он сам себя ударил по щеке.

— Ты что это, дурак старый?! Хочешь точно так же на людей кидаться, как и мордатый тот? — прикрикнул он на себя,

вспомнив чудовищного композитора, и проворнее заработал ногами.

Никто не появился. Помощи ждать было неоткуда.

— Ну, погоди, тварь поганая. Я тебе сейчас устрою. — Злобный азарт заставил деда крепко сжать зубы и кулаки. — В голову вас, значит, надо. Сейчас, сейчас. Если очень просишь, то получишь, — цедил он сквозь зубы.

Он сменил направление и побежал стариковской трусцой не к выходу, а к пожарному щиту на парковке. На самом деле там висели бесполезные муляжи и топоры, и багров, а вот огнетушители и ведра были настоящими. Он подбежал к щиту и дернул на себя самый маленький огнетушитель с черным шлангом и блестящим хромированным раструбом. Огнетушитель не поддался. Старик дергал все сильнее и сильнее, но злосчастный красный баллон был намертво привинчен к щиту. Он грязно выругался.

Бешеная женщина была уже совсем рядом. Она приближалась неминуемо, как сама смерть. Старик задыхался. Сил бежать уже не было.

— Врешь! Не возьмешь! — крикнул он в ее сторону.

Собственный голос добавил ему сил. Он кинулся мимо мертвячки к выходу. Скользящая ледяная рука схватила его за рукав, но он дернулся изо всех сил. Тетка потеряла равновесие и упала на асфальтовое покрытие.

Старик полубезумно хохотнул, но через несколько шагов упал сам, больно ударившись локтем и большими коленями. Он запнулся о металлический башмак, который валялся на парковке. Их подставляли под колеса автомобилей, которые останавливались на наклонном пандусе, чтобы те не покатались вниз. Сначала были пластмассовые башмаки, но их быстро раздолбали. Эти башмаки гнул и варил местный сантехник.

Морщась от боли, старик сел на пятую точку. Сумасшедшая тетка ползла к нему, разинув рот. Он видел ее глаза. Вот это было по-настоящему страшно. Два глубоких мутных буркала, немигающих, замерших. Казалось, сквозь эти мутные стеклянные шарики кто-то смотрит на тебя с той стороны, голодный и злой. Это нечто начинает тебя жрать уже одним взглядом.

Тетка взяла старика за ботинок. И стала подтягиваться к нему. Старик схватил роковой металлический башмак и со

всей силы ударил им по ободранной руке с обломками маникюра. Ударил еще. Потом бил еще и еще. Кости страшно трещали и хрустели под ударами. Старик подался вперед всем телом и ударил тетку по голове. Она упала на бок, но опять начала подниматься. Тогда он размахнулся и со всей силы ударил ей железным башмаком как раз за ухо. Острый угол стального башмака воткнулся в череп и застрял. Дама сразу свалилась на асфальт и больше не двигалась. Старик медленно поднялся. Ушибленные места болезненно саднили. В его сторону с улицы шел еще один покачивающийся силуэт.

Ефимыч не стал дожидаться второго претендента на схватку, а со всей возможной скоростью припустил в спасительный подъезд.

Заскочив в дверь, дождался, пока успокоится бешеное сердцебиение. Два таких нападения в один день — это было уже более чем достаточно, даже чересчур. Никуда он больше не пойдет.

К своей каморке старик шел, опираясь ладонью на стену. Но не из слабости — просто так ему было спокойнее. Не зря говорят, что дома и стены помогают. К своему удивлению, Ефимыч увидел гостя. В его аквариуме сидел Тришаков.

— Привет, деда. Ты куда это запропастился?

— Я в паркинг ходил подземный. Мне ваш оттуда позволил...

— Как позвонил? Он же мертвый.

— Никакой он не мертвый. Я сам видел, как он в будке у стекла стоит. Он мне еще руками махал и в стекло стучал. Наверное, о женщине бешеной хотел предупредить.

— Дедушка, апокалипсис вокруг. Мертвые оживают. Конец мира пришел. Они не бешеные, они мертвые. А если тебя такой укусит, ты и сам таким станешь. Эпидемия, дедушка, в городе. Войска ввели. Ты посмотри внимательно, что вокруг творится. Я сегодня мертвяка ходячего убил, так у него в груди еще до этого дыра размером с мой кулак была сквозная. А он ко мне бегом побежал. Вот такие дела, дедушка.

Старик молча перекрестился. Он верил в Бога, но как-то неуверенно: сказывалась комсомольская юность и коммунистические установки зрелого возраста. Библия у него была. Но читал он ее редко и кусками, только когда находило на него такое настроение. А из молитв знал только «Отче наш». Не было у него того религиозного оголтелого рвения, как у престаре-